

издание своей книги, автор „Синописа“ дополнил ее специальной статьей — „О свободе или волности Славенской“ (стр. 4—6). В статье этой — она представляет собой почти дословную выписку из „Палинодии“ З. Копыстенского¹ — автор утверждал, что в древности власть „славяно-росская“ — „и Рыму досязаше“: „князь некий Славяно-росский Одонадер, войною доставши Рыма, держаше его под властью своею лет тринадесят“, что народ „славяно-росский“ помогал Александру Македонскому „подбивати под власть света сего державу“ и так был страшен и силен, что его боялся даже сам Август кесарь.

Свидетель роста политического могущества Русского государства, уже перерастающего в абсолютную монархию, одной из сильнейших держав в Европе во второй половине XVII века, автор „Синописа“ дал в своей книге своеобразную ретроспективную апологию „самодержавия“ царя Алексея Михайловича. Русский исторический процесс рисуется автором как непрерывный процесс развития одного и того же политического правопорядка, как непрерывный ряд — от Владимира Святого, „всяя России перваго самодержца“, до последнего — царя Алексея. Менялись государственные центры, столица переносилась из одного города в другой, из Киева во Владимир, из Владимира в Москву, но политический строй оставался неизменным. По словам автора, уже киевская княгиня Ольга „благоразумно“ правила державою Российскою, „аки крепчайший монарха или самодержец“ (стр. 26).

Стремясь подчеркнуть непрерывность развития „самодержавия“ в России, автор „Синописа“ специально отметил, что город Владимир на Клязьме был основан еще князем Владимиром, когда он, распространяя христианство и сокрушая кумиров, ездил „в страны Суздальския и Ростовския“; по утверждению автора, уже Владимир сделал попытку „престол свой царский“ перенести из Киева в новосозданный им город (стр. 71). Окончательно „престол царский“ был перенесен с юга на север при московском князе Иване Даниловиче, по воле которого столицей Российского государства стала Москва. В разделе „О наречии Москвы-народа и царственного града“ автор „Синописа“ писал об этом, как о событии величайшего исторического значения: „И тако величеством славы престола княжения, от Владимира града принесеннаго, богоспасаемый град Москва прославися и прародительное в нем имя Мосоха в народе Российском отновися, еже неувадаемою в веки памятию цветущи, изряднее же благодатию божиею от силы в силу и от славы в славу преспевая, на высочайший степен самодержавнаго царствия востече и благочестием, силою и мужеством православных царей, наипаче великими чудесы святых российских московских чудотворцев, на высоту добродетелей возвысившися, яко солнце по вселенней просветися и паче иных сияет“ (стр. 13).

С той же целью показать прямую преемственность московскими царями власти киевских „самодержцев“ автор „Синописа“, излагая историю княжения Владимира Мономаха, включил в свое повествование широко известный в русской литературе с начала XVI века рассказ о бармах Мономаха — с теми поправками к нему, которые были сделаны в его время. Когда Владимир „с великою силою“ пошел походом на Царьград, кесарь греческий Алексей Комнин, видя, „яко не может противу стати великой силе российской и изрядной храбрости Владимировой“, послал ему грамоту с просьбой о вечном мире и многоцен-

¹ Ср. Памятники полемической литературы в Западной Руси. I. Русская историческая библиотека, т. IV. СПб., 1878, табл. 1101—1104.